

Маяковский Владимир Владимирович

Грозный смех. Окна Роста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович М.**
Грозный смех. Окна Роста / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 186 с.

ISBN 978-5-519-95875-2

ISBN 978-5-519-95875-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. МАЯКОВСКИЙ

ГРОЗНЫЙ СМЕХ

ОКНА САТИРЫ РОСТА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“**

МОСКВА

1938

ЛЕНИНГРАД

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Окна сатиры РОСТА“ — одна из самых ярких и интересных страниц истории политической агитации и советского искусства первых лет революции.

Это были рисованные от руки плакаты со злободневными стихотворными подписями, которые вывешивались в пустующих окнах магазинов. Отсюда их странное на первый взгляд название.

„Окна РОСТА“ фактастическая вещь“, — писал впоследствии Маяковский. — „Это — обслуживание горстью художников, вручную, стоятидесятиллионного народища.

Это телеграфные вести, моментально переделанные в плакат; это декреты, сейчас же распубликованные частушкой. Это — новая форма, введенная непосредственно жизнью. Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку, идущие не с молитвой, а с распевом частушек“ (Маяковский).

Термин „плакат“ не исчерпывает всего содержания понятия „Окна РОСТА“. В период типографской разрухи, когда газеты мало поступали в продажу, а расклеивались на заборах, „Окна РОСТА“ были своеобразной красочной газетой, совмещали в себе функции и плаката, и газеты, и журнала, и информационного бюллетеня.

Маяковский пришел в РОСТА в октябре 1919 г., когда советская республика переживала тяжелые дни — в кольце блокады, отбиваясь от наступающей со всех сторон генеральской контрреволюции. Здесь, на этой работе, Маяковский нашел применение своим силам и как поэт и как художник. Он проработал в РОСТА — изо дня в день — два с половиной года, гордясь тем, что его умение писать стихи и талант художника пригодились революции, участвуют в общей борьбе многомиллионного народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

„Окна сатиры“ выпускались около двух с половиной лет: с сентября 1919 г. по март 1922 г.

Сколько „Окон сатиры“ нарисовал Маяковский?

То, что сохранилось, позволяет с уверенностью сказать, что из общего числа (в грубых цифрах) 1 500—1 800 „Окон“ немногим менее половины были

нарисованы Маяковским и, должно быть, для девяти десятых общего количества „Окон“ темы и подписи были сделаны им.

„Количество работы было непомерно,—писал Маяковский,—у меня комната на Лубянском проезде, я работал в ней часов до двух ночи и ложился спать, подложив под голову не подушку, а простое полено,—это для того, чтобы не проспать и успеть во-время обвести тушью ресницы разным Юденичам и Деникиным“.

Но дело, разумеется, не только в количестве.

„Вне телеграфной, пулеметной быстроты—этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке „революционный стиль“,—это стиль наших окон“.

В РОСТА работал ряд талантливых художников, имеющих свое лицо, свою художественную манеру,—такие, как М. Черемных и И. Малютин, и, однако, все направление работы, ее внутренняя организация, ее общий стиль принадлежали именно Маяковскому.

Приход Маяковского имел решающее значение для характера „Окон РОСТА“. Изменения коснулись не только текстов, но и общей композиции „Окон“. Маяковский шел от плаката и лозунга, с одной стороны, от газеты—с другой. На первый план, уже начиная с первого „Окна“, посвященного партийной неделе, выступает агитационный момент.

„Окна“ Маяковского были не только „Окнами сатиры“, но и „Агитокнами“. Нужно было мобилизовать зрителя на борьбу с опасностью, сосредоточить его внимание на одной важнейшей теме, подчинив ей весь изобразительный и текстовый материал. Этим достигалась большая концентрированность агитационного „удара“. Так выработалась структура плаката, ставшая типичной для „Окон РОСТА“: несколько рисунков, последовательно расположенных в два или несколько рядов и подчиненных одной теме. Тема эта могла быть агитационной, сатирической или информационной, но это обязательно была одна тема. Выбрать, сформулировать и распределить темы—это и значило организовать работу внутри коллектива.

„Когда приходили телеграммы,—рассказывает М. Черемных,—их приносили Маяковскому, он отбирал самые нужные, намечал темы, писал тексты, раздавал работу нам“.

В сжатых сводках телеграмм, ежедневно составлявшихся в РОСТА, и в сегодняшней газете Маяковский умел находить тот „огромный диапазон тем“, о котором он говорит в своей статье „Прошу слова“.

Маяковский называл свою работу в РОСТА работой, „очищающей наш язык от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия“. Но это „очищение от шелухи“ имело место не только в отношении словесного, но и изобразительного мастерства.

„Окна РОСТА“ позволяют говорить о Маяковском, как о вполне самостоятельном художнике, имеющем свою индивидуальную графическую манеру. Рисованные им „Окна“ наиболее плакатны. Отсутствие второстепенных деталей и большая динамичность—вот что для них характерно. Малютин и Черемных

пришли к плакату от журнальной карикатуры, Маяковский—от народного лубка. Может быть отсюда идет яркость, красочность его „Окон“, резко выделяющие их среди „Окон“ других художников.

Графическая манера Маяковского была предельно проста, динамична и выразительна.

В настоящий альбом вошли избранные „Окна сатиры“ Маяковского. За исключением двух плакатов для ЦК горнорабочих, воспроизведенных с трафаретных экземпляров, хранящихся в Третьяковской галлерее, издание составлено по материалам государственного Литературного музея в Москве.

Работа художественного коллектива РОСТА была анонимной. На первых „Окнах“ иногда делались пометки „Художественный коллектив РОСТА“ и дата, но фамилия художника и автора текста не ставилась никогда.

Таким образом, за исключением нескольких плакатов, на которых есть карандашные пометки рукой Маяковского, авторство рисунков Маяковского приходится определять главным образом по характеру рисунка.

В текстах стихов Маяковского на плакатах довольно часто встречаются ошибки—описки, неправильное расположение стихотворных строк, пропуски слогов и т. д. (тексты эти писались не Маяковским, а специальными работниками, так называемыми „шрифтовиками“). Поэтому, воспроизводя плакаты без исправлений ошибок в текстах, мы даем в приложении к альбому отдельно полностью тексты всех плакатов.

Политическая злободневность „Окон“ сегодня отошла в историю. В комментариях сделана попытка восстановить в цитатах из газет и других политических документов того времени источники тем, отдельных образов и формулировок „Окон“ Маяковского.

Разумеется, документировать и тем самым точно датировать все без исключения „Окна“, т. е. найти бесспорный первоисточник для каждого „Окна“, невозможно. Приводимые в комментариях цитаты являются или бесспорным первоисточником для данного „Окна“ или одним из возможных. Часто, вследствие громоздкости материала, приходилось ограничиваться только изложением или фактическими справками.

В конце 1929 г. Маяковский составил небольшой сборник избранных текстов и фотографий „Окон РОСТА“ под названием „Грозный смех“ и написал к нему вступительную статью—„Прошу слова“. Заглавие сборника мы сохраняем для этого альбома, а статью даем предисловием к нему.

ПРОШУ СЛОВА

Это не только стихи.

Эти иллюстрации не для графических украшений.

Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов.

Это — моя часть огромнейшей агитработы — „Окон сатиры РОСТА“.

Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла.

Любителям высокотарифных описаний задним числом романтики гражданской войны в стиле „конструктивист“ неплохо поучиться на действительном материале боевых лет, на действительной словесной работе этого времени.

Есть такие новые русские древние греки, которые все умеют засахарить и заэстетизировать.

Вот В. Полонский в книге о революционном плакате, вырвав из середины кусок, набредя на агитсатиру РОСТА времен боев с панами, агитку, весь смысл которой — доказать:

Так кормите ж

красных рать!

Хлеб неси без вою,

чтобы хлеб

не потерять

ВМЕСТЕ С ГОЛОВОЮ,—

этот самый Полонский вырывает из агитки случайный клочок и пишет „фрагмент“! Не угодно ли?!

Так же может поступить историк литературы, приводящий слово „соединяйтесь“ с подписью „фрагмент“, чтоб все догадывались и радовались, что сие — „фрагмент“ лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Полонский не только не старается понять и систематизировать цель и направленность плакатных ударов, но просто вдохновенно парит над изменчивостью агитационного текста. Сейчас, с десятилетием ростинской работы, Третьяковская галерея, газеты, журналы любопытно и восторженно подбирают.

клеют и смотрят клочки вручную крашенных листов, этих предков всех многотысячных сегодняшних сатирических журналов. Первые „Окна сатиры“ делались в одном экземпляре и вывешивались в немедленно обступаемых народом витринах и окнах пустующих магазинов, позднейшие размножались трафаретом, иногда до 100—150 экземпляров, расхोдившихся по окнам агитпунктов.

Всего—около девятисот названий по одной Москве. Ленинград, Баку, Саратов стали заводить свои „Окна“.

Диапазон тем огромен.

Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации. Я рылся в Третьяковке, в Музее революции, в архивах участников. Едва ли от всей массы „Окон“ осталось сейчас более ста целых листов. Мы работали без установки на историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно топтался в десятках переездов. Надо сохранить и напечатать оставшиеся, пока не поздно. Только случайно найденный у М. Черемных альбом фотографий дал возможность разыскать тексты и снимки с исчезнувшего.

Моя работа в РОСТА началась так: я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Мосторг, первый вывешенный двухметровый плакат, немедленно обратился к заву РОСТА, который свел меня с М. М. Черемных,—одним из лучших работников этого дела.

Второе окно мы делали вместе. Дальше пришел и Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюрнберг и др., трафаретчики: Шиман, Михайлов и еще многие другие, фотограф Никитин.

Первое время над текстом работал т. Грамен, дальше почти все темы и тексты мои; работали еще над текстом О. Брик, Р. Райт.

Сейчас, просматривая фотоальбом, я нашел около четырехсот одних своих „Окон“. В „Окне“—от четырех до двенадцати отдельных плакатов, значит в среднем этих самых плакатов не менее трех тысяч двухсот.

Подписей—второе собрание сочинений (в этой книге—малая часть).

Как можно было столько сделать?

Вспоминаю,—отдыхов не было. Работали в огромной, нетопленной, сводящей морозом (впоследствии—выедающая глаза дымом „буржуйка“) мастерской РОСТА.

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, послав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова.

С течением времени мы до того изощрили руку, что могли рисовать сложный рабочий силуэт от пятки, с закрытыми глазами, и линия, обрисовав, сливалась с линией.

По часам Сухаревки, видневшимся из окна, мы вдруг втроем бросались на бумагу, состязались в быстроте наброска, вызывая удивление Джона Рида, Голичера и других заезжих, осматривающих нас иностранных товарищей и путешественников. От нас требовалась машинная быстрота,—бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут—час уже висело по улице красочным плакатом.